

КАЖДЫЙ год в середине августа на окраинное кладбище Иркутска приходят десятки людей. Здесь, у глыбы байкальского гранита, на которой резкий росчерк «Александр Вампилов», отмечаются две даты, радостная и горестная: ведь всего два дня не дожил замечательный драматург до своего тридцатипятилетия...

У этого памятного места не раз встречались мы с Валентином Распутным, одним из ближайших друзей Вампилова еще со студенческой скамьи, соратником по «призыву в литературу» на знаменитом читинском семинаре, когда целая ватага молодых сибиряков стала открытием и откровением, столь необходимой порослью отечественной литературы. О том семинаре существует немало воспоминаний, и в каждом — признание, что одним из ярчайших событий было появление пьес почти никого тогда не знакомого литератора из Иркутска.

Меньше десяти лет отпустила судьба Александру Вампилову для напряженной профессиональной работы, в этот краткий периодместились поиски и разочарования, восторженные признания близких людей и глухая стена равнодушного непонимания чиновников от искусства.

Среди тех, чей дружеский локоть всегда чувствовал Вампилов, был Распутин, я об этом свидетельствую по праву памяти как человек, получивший четверть века назад именно от Александра Вампилова напущение в журналистику. Во время встреч с Распутным мы вольно или невольно вспоминаем Вампилова, и этот диалог не результат одной беседы, это записи и выписки, сделанные в разные годы и оформившиеся в канун 50-летия со дня рождения Вампилова.

— Валентин Григорьевич, с годами растет слава драматурга, появились диссертации, книги о пьесах Вампилова; в них как бы растворяется образ этого удивительно талантливого человека, уже выросло поколение писателей, знакомых с ним только по сцене. Мне кажется, что Вампилов-драматург и Вампилов-человек очень близки, нерасторжимы. И вот об этом хотелось бы сегодня поразмышлять...

— Александр Вампилов относился к тем людям, дружить с которыми ясно, хорошо и надежно. Я сошелся с ним в первые же наши университетские годы, вместе затем мы работали в газете, почти в одно время начали писать рассказы, вместе обсуждались на читинском семинаре молодых литераторов, в 1965 году были приняты в Союз писателей, а в конце 60-х — начале 70-х довольно часто вместе оказывались в различных поездках. Случались у нас споры, к которым мы возвращались снова и снова, особенно когда дело касалось литературных привязанностей; случалось говорить друг другу не очень приятные слова, когда кто-то бывал неправ, но ни разу, сколько я теперь ни вспоминаю, не было в наших отношениях хитрости или какой-нибудь даже мало-мальской недосказанности. И благодарить за это прежде всего, конечно, нужно Сашу с его открытым, откровенным и честным характером, не выносившим никакой фальши. То же самое, я знаю, могут повторить о нем все те, кому довелось с ним дружить.

Мы звали его просто: Саня. Не ищите в этом имени оттенка небрежности или фамильярности, потому что любая форма человеческого имени прежде всего отражает его суть. Саня — это значит очень близкий, родной, но нерафинированный, неприглаженный — порой неожиданный в делах и чувствах своих человек. Таким он для нас и есть. Потом мы узнали, что точно так же с детских лет называла его мать Анастасия Прокопьевна, женщина удивительной доброты и чистоты, от которой Саня перенял многие лучшие свои качества; что так всегда звали его брат и сестра. Это было чуть позже, но как, каким образом то же звучание сразу, с первых дней знакомства с ним, передавалось нам — непостижимо. Для этого надо быть человеком очень светлым. Я посмотрел в словарь: Александр в переводе с греческого — защитник людей. Так оно и было, именно такую роль ему судьба и готовила...

— Вампилов был человеком разносторонних дарований. Садился ли он за пианино в редакции молодежной газеты, брал ли в руки гитару, пел с легкой хрипотцой стихи Пушкина и Дельвига, Тютчева и Есенина, позднее Рубцова, с которым близко подружился во время учебы на писательских курсах в Москве, все у него получалось ярко, талантливо. Но вот

еще что вспоминается: где бы он ни появлялся, моментально обростал спутниками, его не просто слушали, ему, говоря высоким слогом, внимали. В чем, на ваш взгляд, секрет этого редкого и особо ценного дара?

— Он был интеллигентным человеком в самом добром, уважаемом когда-то смысле этого слова. Умел слушать и умел сказать — точно, интересно и независимо ни от кого, что заставляло слушать его всех. Порой казалось, что у него какой-то особый строй мышления, потому что он подходил к сути разговора с той стороны, о которой отчего-то все забывали, он не удлиннял, а расширял и углублял разговор, делал его как бы многомерным. У Сани прекрасно было развито и организовано то, что называют внутренним тактом, а в это понятие входят и вкус, и мера, и согласие — стройность, мягкость, смелость и музыкальность человеческой души. Это понятие я переносил и на его пьесы. Оно проявляется в письме, в характерах героев, в построении материала.

Жаль, если у кого-то ненароком создается мнение, будто мы теперь хотим сделать из Вампилова ангела. Нет, в ангелы он, к счастью, не годится. Но как человек, живший среди нас и бывший нашим другом, он был редким человеком. Поэтому мы и говорим о нем сегодня, зачастую не касаясь его литературной судьбы, горькой при жизни и набирающей высоту с каждым годом, поэтому и вспоминаем его и будем помнить, покуда живы. Любовь к человеку за его праздничным столом еще ничего не значит, она проверяется многим, в том числе временем и памятью. С того рокового августовского дня прошло пятнадцать лет...

Мы все тянулись к нему, потому что видели в нем натуру не случайную, не заученную, а исключительно цельную и богатую, созданную чьим-то счастливым даром, видели в нем его естественность, если хотите, даже природность. Это качество в человеке переоценить нельзя. Он ничего не умел делать походя — ни работать, ни дружить, ни любить, ни разговаривать, ни жить — ко всему относился искренне, с полной душой. О многих ли из нас можно сказать то же самое?

— Жизнь Александра Вампилова была трудной с первых шагов. Ему не было и года,

К 50-летию со дня рождения А. Вампилова

Валентин Распутин:

МЫ ВСЕ ТЯНУЛИСЬ К НЕМУ

когда был незаконно репрессирован и погиб его отец Валентин Никитич — по воспоминаниям, высокообразованный и талантливый учитель-словесник. Потом были успехи в учении, журналистике. Но вот он вступил на литературно-театральную стезю, она отнюдь не была усыпана розами, хотя цветы и были на немногочисленных при жизни премьерах. Как случилось, а об этом все чаще задумываются писатели, режиссеры, что «проглядели» Вампилова, недооценили жизнеутверждающий пафос его пьес?

— В трудной судьбе Вампилова-драматурга виноват не театр. Виноват чиновник от театра, человек безличный, нерешительный и постыдно равнодушный к добру и злу, к таланту и репертуару. Да и чиновник, если разобраться, не столь уж виноват. Он есть рядовой той силы, которая раскраивает искусство мерками политграмоты и культуртрегерства. Можно участвовать в драматургических семинарах, выслушивать похвалы, распивать чай «с самими» Ефремовым и Гончаровым, но это ничего не значит, потому что машина со всеми ее шестеренками и приводами для того и существует, чтобы не крутить, а прокручиваться. Чиновник, способный взять на себя ответственность, добивается лишь счастливого исключения, правило же остается правилом.

Вот в сентябрьской книжке «Нового мира» будет опубликована переписка Вампилова с Еленой Леонидовной Якушкиной, ныне покойной, его добрым ангелом, много сделавшей для того, чтобы пьесы Сани «пошли» в столицу. Переписка во многом объясняет, отчего у драматурга бывали минуты отчаяния...

Нельзя без волнения читать эти письма, в них порой прорывается, нет, не крик, а скорее, стон от непонимания, от каверзных и предвзятых указаний, замечаний, поправок и т. д., которым встречало каждую (!) пьесу Вампилова театральное начальство...

— Дело доходило до курьезов и в Иркутске. Появилась в альманахе «Утиная охота» — протест из бюро технической информации: «это выпад против столь нужной службы». В обдранной премьеры «Старшего сына» — протест из военного училища: «почему малосимпатичный Кудимов — курсант?»... И что самое удивительное, протесты принимали всерьез, рассматривали, требовали «убрать», «заменить»... Так было.

Валентин Григорьевич, очень трудная судьба до сих пор у лучшей пьесы Вампилова «Утиная охота». По признанию Олега Ефремова, много отдавшего времени и ее «пробиванию», и постановке, эта пьеса пока не прочитана театром. Не кажется ли вам, что Вампилов опередил время, сказал в середине 60-х о том, о чем мы только сейчас начинаем говорить в полный голос... Ведь фальшив отнюдь не только Зилов, фальшива среда его обита-

ния: никому не нужная работа, способствующая припискам и подтасовкам, нарушенная шкала жизненных ценностей и социальной справедливости, стертые грани добра и зла...

— Здесь, видимо, следует поразмышлять о «театре Вампилова». Мне уже приходилось отмечать, что о драматурге теперь пишут много и охотно; критики, перебивая друг друга, спорят о его героях и говорят настолько разное, что появилось даже выражение «восторженное непонимание Вампилова». Непонимание это идет от предпосылок искусства, а не от предпосылок жизни, с которыми всякий раз начинал творить свое искусство Вампилов. Он писал пьесы отнюдь не для того, чтобы зритель со спокойной душой отдыхал в театре, он не признавал искусства, создаваемого для отдохновения. Зритель, приходя в театр на Вампилова, невольно попадает под нелегкое нравственное испытание, своего рода исповедь — его, зрителя, исповедь, в которую он, один раньше, другой позже, так или иначе вовлекается еще во время спектакля и которая долго продолжается после спектакля — в этом незаметная, но удивительная сила и тихая страсть его таланта. И когда говорят о «театре Вампилова», следует, очевидно, иметь в виду не только то, что предлагается зрителю, но и то, что случается с ним, — сторону глубокого психологического воздействия пьес, которую театральная условность словно бы даже еще и увеличивает, а не снижает.

Это в полной мере относится и к «Утиной охоте». Зилов, конечно же, славный и талантливый человек, отставленный от гражданства волею обстоятельств и не пытавшийся их изменить. Это «герой», но, увы, не личность. В этом его трагедия.

— Валентин Григорьевич, мне хочется процитировать ваши слова, написанные десять лет назад: «Казалось бы, и в рассказах, и в пьесах (и даже газетных очерках, когда Вампилов работал в газете) — старые, знакомые истины. Он не пытался выдумывать новые, их нет, он ставил их лишь в нынешние условия, и они начинали звучать по-новому. Вечные, как день и ночь, не тускнеющие, не стареющие темы искусства, которые никогда не перестанут волновать человечество, — жизнь и смерть, любовь и ненависть, счастье и горе, совесть и дом. Каждое новое время привносит в эти понятия свои отличительные признаки, они-то и метая время, но сами эти понятия при всей их сложности и хрупкости остаются неизменными». По-моему, эти выводы актуальны сегодня, когда мы все больше убеждаемся, что Александр Вампилов — наш современник, что место его среди «прорабов духа» и, если хотите, среди творцов перестройки, тех, кто готовил ее своим честным творчеством.

Вот только что в Восточно-Сибирском книжном издательстве вышел первый том, посвященный Вампилову, в нем почти все его произведения. На очереди — второй, где собраны воспоминания о нем. Отбор и составление проводили вы. С каким чувством вы проделали эту работу?

— Последние годы ему приходилось читать много рукописей — и своих друзей, и писателей совсем начинающих. Я знаю по себе, как трудно иной раз сказать правду, тем более правду неприятную, человеку, проводшему за письменным столом многие и многие бессонные месяцы. Вампилов ее говорил всегда. Говорил не грубо, не обидно, не отвлекаясь на спасительные мелочи, которыми при случае можно прикрыться, чтобы не сказать главное и не сделать автору больно, — говорил то, что видел.

— То есть как раз то, что сегодня мы зовем приметой, духом времени...

— Почему только сегодня, это на все времена. Вампилов видел жизнь отсюда, где, казалось бы, единственно и должен находиться художник, как только он принимается за работу, но куда в действительности по душе и таланту допускается мало кто, — он не обращался за доказательством к добру и вере, а происходил из них.

Беседу вел
В. ИВАШКОВСКИЙ.
(Наш соб. корр.)

ИРКУТСК.

● А. Вампилов в Забайкалье. (1971 г.)